
ОТРАСЛЕВАЯ ПСИХОЛОГИЯ SPECIAL (BRANCH) PSYCHOLOGY

Психологические факторы рецидивизма и его профилактики (по материалам зарубежных исследований)

Сечко А.В.,

*Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6870-1055>, e-mail: setschko@yandex.ru

В статье проанализированы результаты исследования рецидивизма, проведенные в Англии, Дании, Канаде, Нигерии, Португалии, Новой Зеландии, США, Шотландии. Выявлены объективные и субъективные детерминанты, позволяющие с высокой долей вероятности прогнозировать последующее, уголовно преследуемое нарушение, его временные параметры. Описан психологический портрет рецидивиста, выявлены стресс-факторы деликвентного поведения. Раскрыты движущие силы декриминализации бывших преступников. Это интенсивный испытательный срок под покровительством наставников, способных построить доверительные отношения с условно-досрочно освобожденными через последовательные, не осуждающие действия с одновременной возможностью выполнения роли опекунов молодых людей, находящихся в сложной социальной и криминальной обстановке при решении их экономических проблем.

Ключевые слова: рецидивизм, служба пробации, интенсивный испытательный срок, стресс, экстремизм, декриминализация, стигматизация, реинтеграция.

Для цитаты: Сечко А.В. Психологические факторы рецидивизма и его профилактики (по материалам зарубежных исследований) [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2020. Том 9. №1. С. 85—93. doi:10.17759/jmfp.2020090109

Psychological conditions for the prevention of recidivism

Aleksandr V. Sechko

*Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6870-1055>, e-mail: setschko@yandex.ru*

The article analyzes the results of a study of recidivism conducted in England, Denmark, Canada, Nigeria, Portugal, New Zealand, the USA, and Scotland. Objective and subjective determinants have been identified that make it possible to predict with a high degree of probability the subsequent criminal prosecution violation, its time parameters. The psychological portrait of the recidivist is described, stress factors of delinquent behavior are revealed. The driving forces of decriminalization of former criminals are revealed. This is an intensive probationary period under the auspices of mentors who are able to build trusting relationships with parole through consistent, non-judgmental actions with the simultaneous possibility of playing the role of guardians of young people in difficult social and criminal settings in solving their economic problems.

Keywords: recidivism, probation service, intensive trial period, stress, extremism, decriminalization, stigma reintegration.

For citation: Sechko A.V. Psychological conditions for the prevention of recidivism [Elektronnyi resurs]. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2020. Vol. 9, no. 1, pp. 85—93. DOI: <https://DOI.org/10.17759/jmfp.2020090109> (In Russ.).

Введение

Рецидив относится к «привычке совершать преступления преступниками». Это акт возобновления

преступного поведения после наказания и / или реабилитации за предыдущее преступление. Таким образом, это означает повторяющуюся преступную деятельность.

CC BY-NC

Интерес к изучению рецидивизма растет во всем мире ввиду того, что тюремное заключение наносит все больший ущерб городским и государственным бюджетам, а последствия преступной деятельности чувствуется обществом, семьями и местными общинами. Так, в США в тюрьмы возвращается 50—60% отсидевших, в Великобритании более 70% отбывающих наказание в течении двух лет будут повторно осуждены и снова попадут в тюрьму [21, с. 440]. Недавние межгосударственные оценки рецидивизма среди заключенных женщины в США говорят о 58% повторно арестованных, 38% повторно осужденных, 30% возвращаются в тюрьму через три года после освобождения [15, с. 277]. Общая экономическая и социальная стоимость повторного совершения правонарушений в Шотландии с чуть более 5 миллионным населением составляет около 3 млрд. фунтов стерлингов в год, что создает значительное бремя для государства, местных учреждений и бюджетов государственного сектора [16].

Плохо управляемые и переполненные тюрьмы могут быть фактором, ведущим к усилению радикализации и экстремизма. Обиды, моральное возмущение и разочарование в результате бесчеловечного обращения могут усугубить влияние вербовщиков экстремистских организаций в условиях тюрьмы. Экстремистские идеологии могут быть легче восприняты в агрессивной и переполненной среде. Как известно, некоторые из виновников крупных террористических актов в Европе прошли через систему тюрем и пробации [11].

Правонарушителям обычно свойствен целый ряд факторов риска и потребностей, весь спектр которых необходимо учитывать в целях предупреждения рецидивизма. Вместе с тем успех определения, выявления и устранения рисков и потребностей правонарушителей зависит от наличия эффективной системы оценки, позволяющей обнаружить такие потребности и оценить изменение степени их выраженности. А также создания среды, позволяющей бывшим преступникам интегрироваться в общество, а также социальных и экономических условий, обеспечивающих декриминализацию.

Личностные особенности

Значительную роль в вероятности рецидивов играют особенности личности. Несмотря на многовековую разработку проблемы, со времен античных Платона, Аристотеля до наших дней специалисты не довели алгоритм прогнозирования до совершенства. Тем не менее результаты многих исследователей достойны научного анализа.

Результаты преступности с 1960-х годов в Дании, говорят о наличии связи между психическими расстройствами и преступностью, особенно преступлениями, связанными с насилием. Выборка составила

324401 человек в возрасте до 43 лет. Авторами сделан вывод о том, что пациенты, выписанные из психиатрических отделений, с большей вероятностью, чем другие лица, проживающие в том же сообществе, совершают преступления [24].

Другая группа исследователей в Португалии анализирует факторы, которые увеличивающие вероятность возвращения на криминальный путь в подростковом возрасте. Среди основных факторов риска выделена психопатия, многомерная конструкция, состоящая из аффективных (отсутствие раскаяния, вины, черствость, др.), межличностных (нарциссизм, манипулятивность, обман, поверхностное обаяние, и др.) и поведенческих (импульсивность, безответственность, др.) компонентов. Статистика показывает, что заключенные классифицированные как психопаты, в пять раз более склонны к участию в насильственном рецидиве, чем не психопаты [17].

Исследователи проводили изучение личностных особенностей, обуславливающих высокую вероятность рецидива, на теоретическом этапе были выявлены следующие факторы. Во-первых, это когнитивный компонент (когнитивная центральность), понимание субъектом того, что он принадлежит к криминальному сообществу и эта принадлежность расценивается как лично значимая. Во-вторых, влияние референтной группы. И последнее, психологическое восприятие сходства с членами преступной группы [16].

Экспериментальное исследование проводилось при поддержке Департамента исправительных учреждений Пенсильвании (PA DOC). Исследовательская выборка составила 478 человек, содержащихся в трех тюрьмах, в том числе одной строгого режима. Выборка включала 94 убийцы (все с пожизненным заключением или в камере смертников; мужчины $n = 69$, женщины $n = 25$, 266 рецидивистов (мужчины $n = 142$, женщины $n = 124$), и 118 впервые осужденных (мужчины $n = 72$, женщины $n = 46$). Было обнаружено, что у рецидивистов, по сравнению с убийцами в большей степени выражен когнитивный компонент принадлежности к криминальному сообществу (когнитивная центральность) и внутригрупповые связи. Авторами предполагается, что «профессиональные преступники» развивают когнитивные структуры, которые формируют их преступную идентичность, которым можно объяснить их рецидивизм. Также было показано, что люди ведущие неупорядоченный образ жизни с большей вероятностью становятся приверженцами «криминальной карьеры». Обнаружена высокая зависимость между умением манипулировать людьми и рецидивизмом.

Сделан вывод о том, что действия рецидивистов, совершающие насильственные преступления в большей степени обусловлены когнитивным компонентом, они в меньшей степени зависимы от группы и эмоционально с ней связаны в меньшей степени, нежели рецидивисты, совершающие преступления ненасильственного характера [16].

Социальные факторы

Еще более весомыми фактором в рецидивном поведении играет социальный, общество часто создает питательную среду для проявления тех или иных качеств личности в виде различных стрессоров, невозможность преодоления которых деформирует поведение за рамки социально-приемлемого.

Так причиной преступности и рецидивизма в Новой Зеландии среди коренного народа Маори называют стрессоры в различных социальных контекстах: бедность, плохое состояние здоровья, различные зависимости и как следствие, проблемы с психическим здоровьем. Они также имеют плохие образовательные и трудовые навыки, неудовлетворительные жилищные условия. Имеют себе подобных соседей, что провоцирует конфликты, насилие, плохие примеры для подражания. Они публично воспринимаются как низший класс, представляющий угрозу безопасности для законопослушного сообщества, практически с рождения подвергаются стрессу стигматизации, рассматриваются в качестве потенциальных нарушителей [26, с. 40]. То же самое отмечают исследователи в Великобритании. Осужденные, имеющие проблемы с психическим здоровьем, злоупотребляющие наркотиками, алкоголем, имеющие долги, без жилья, работы, образования и профессиональных навыков скорее всего, повторно совершат преступление и, таким образом, будут осуждены [18, с. 440].

Исследование, проведенное в 2010 году с участием 217 заключенных из числа маори (129 мужчин и 88 женщин), показало, они имеют более высокий уровень рецидивизма. 48% мужчин-маори были приговорены к четвертому или последующему тюремному заключению. Как правило, заключенные-рецидивисты имели «семейные традиции». Около половины выборки были осуждены и приговорены к тюремному заключению в детстве, чаще всего несколько раз [26, с. 41].

Исследование, проведенное в Канаде на выборке из 532 участников, выходцев из Сомали в возрасте от 18 до 30 лет показало следующее. Стресс, полученный в результате бедствий и слабых социальных связей может предсказать как антиобщественное поведение, так и радикализацию к насилию. В частности, социальная сплоченность и социальная разьединенность полностью опосредовали взаимосвязь между дискриминацией (плохими условиями жизни, неудовлетворительным экономическим положением) и обеими переменными результата. Результаты были неизменными во времени и частично по полу [22]. Утверждается, что социальные связи лежат в основе жизнеспособных сообществ, и любая стратегия повышения устойчивости сообществ должна как использовать, так и расширять существующие социальные связи, и стремиться не наносить им вреда или не ослаблять их [13]. Подобные выводы делают и исследователи из США. Они считают, что основной причиной преступности и рецидивизма является нарушение из-за разрыва социальных связей

и значимых межличностных связей, которые обеспечивают необходимый капитал для успешной реинтеграции [24].

Занятость, является одним из ключевых факторов успешной реинтеграции бывших заключенных. Это нечто большее, чем просто источник дохода. Она структурирует деятельность, устанавливает определенный режим и позволяет вносить свой вклад жизнь общества, одновременно содействуя установлению полезных социальных контактов. Занятость помогает бывшим заключенным восстановить связи с членами общины, способствует повышению самооценки, уверенности в собственных силах и эффективности своих действий [14, с. 4]. Однако правонарушители весьма часто возвращаются в обездоленные общины с плохими экономическими условиями и ограниченными возможностями трудоустройства. Существующие в этих общинах группы лиц с аналогичным статусом, как правило, имеют мало контактов в сфере законной трудовой деятельности, что затрудняет выявление и использование людьми возможностей трудоустройства. Специалисты по экономике труда отмечают, что правонарушители находятся в нижней части списка предпочтений работодателей. Они, как правило, не хотят принимать на работу бывших заключенных, особенно если они еще не зарекомендовали себя с хорошей стороны после освобождения из мест лишения свободы. В результате нехватка рабочих мест оказывает несоразмерное воздействие на наиболее обездоленных лиц, который испытывают сильнейший стресс в состоянии поиска работы.

Кроме того, лишь немногие из бывших правонарушителей обладают квалификацией, знаниями или опытом, которые требуются работодателям.

Наконец, бывшие заключенные, как правило, возвращаются в общину, располагая весьма незначительной суммой денег либо вообще без средств. Ограниченность финансовых средств может оказывать негативное воздействие на посещение собеседований и способность правонарушителя получить и сохранить рабочее место, ездить на работу, покупать одежду или инструменты, необходимые для работы, или организации своего дела.

Исследования показали, что преимущества занятости, касающиеся сокращения рецидивизма, могут быть связаны не только с трудоустройством бывшего правонарушителя, но и с качеством работы. Кроме того, связь между законным трудоустройством и сокращением рецидивизма может существенно зависеть от взаимодействия следующих факторов: наличие постоянного жилья, обладание навыками, необходимыми для устройства на работу, отсутствие расстройств, обусловленных употреблением наркотиков, и активное обращение за помощью в поиске работы [25].

Не только условия на свободе, но и в местах лишения свободы определяет будущее поведение. Если в Европе положение заключенных в тюрьмах достаточно комфортное, то в странах третьего мира, в частности,

Нигерии, они далеки от идеала. Там плохое санитарное состояние, перенаселенность, коррупция со стороны персонала и отсутствие всякой классификации отбывающих наказание за исключением признака пола. 744 (79,5%) респондентов считали, что отсутствие разделения осужденных способствует рецидивизму в Нигерии, ввиду приобщения к криминальной культуре, приобретения социальной значимости, которая абсолютно бесперспективна на свободе. Даже юридически правительство стигматизирует бывшего осужденного после освобождения. По закону им не разрешается работать в государственных учреждениях, они не могут голосовать или быть избранным в Нигерии [6].

Психологические условия декриминализации

Анализу движущих сил, позволяющих человеку выйти из порочного преступного круга также посвящены работы в зарубежной психологии. Одно из исследований, проведенное в 2000 году и включало подробные интервью с 40 молодыми людьми из Шотландии в возрасте от 18 до 33 лет. Его целью было выяснение причин, по которым молодые правонарушители начали и прекращали совершать правонарушения, а также их взгляды и опыт сопротивления декриминализации. В 2010 было проведено последующее исследование этих правонарушителей, и было сопоставлено с новой выборкой молодых правонарушителей. Первоначальная выборка имела 35 рецидивов, и их история преступлений длилась в среднем 13 лет. Преступления были связаны с кражами, нападениями, наркотиками насильственными и корыстными преступлениями. Молодые правонарушители были представлены выборкой из 12 мужчин и 8 женщин, имел 30 приговоров, и истории их преступлений продолжались в среднем 7 лет.

В обеих выборках прослеживается противоречивый путь формирования мотивации и практических действий по завершению криминальной карьеры и принятия образа жизни, одобряемого обществом Шотландии. Был выявлен так называемый «зигзагообразный» путь в желании стать добропорядочным гражданином. Для того, чтобы эта цель была достигнута, необходимо, чтобы этот процесс был тем, что называется «желанием по замыслу» (согласованным), а не «желанием по умолчанию» (совпадением). Другими словами, они должны были сознательно отказаться от выгод преступной деятельности (статус, деньги, дружба, волнение), с одной стороны. С другой, избежать дальнейшего участия в системе уголовного правосудия и возобновить ценные отношения со своими родителями, партнерами и детьми. Потенциальные или фактические обязательства перед значимыми членами семьи были основной причиной желания декриминализации среди обеих выборок, хотя интересно и вопреки предполагаемым гендерным приоритетам, в выборке молодых людей приверженность семье была более

распространенной среди молодых респондентов мужского пола, чем среди женщин той же возрастной группы. По мере взросления среди обеих выборок было осознание того, что они могут потерять эти близкие отношения, продолжая совершать преступления. Что интересно, потеря возможности не иметь семью в большей стрессогенна для преступников, нежели риск потери здоровья, преследования со стороны полиции или стигматизации [8].

Прекращение или контроль над употреблением наркотиков с неизбежным состоянием депрессии, тревоги, посттравматического стресса и нарушений обучения также рассматривалось как существенное основание, позволяющее встать на путь законопослушания. Особенно респонденты старшего возраста (исходная выборка) ассоциировали прекращение более серьезных преступлений с контролем над употреблением наркотиков, считали это основным условием. А респонденты младшего возраста связывали прекращение правонарушений с поддержкой службы пробации, социальной работой, религией. И они казались менее зависимыми от наркотиков к концу своей криминальной карьеры, несмотря на тот факт, что алкоголь и наркотики были основным фактором в начале их криминальной карьеры [23, с. 9].

Хотя трудоустройство рассматривается как ключевой поворотный момент в литературе о сопротивлении, 40 респондентов не упоминают об этом, возможно, потому, что они более реалистичны, чем идеалистичны в своих представлениях о полной интеграции через занятость в нынешних экономических условиях [9, с. 50].

В работе говорится о том, что для декриминализации недостаточно одного желания. Должна существовать реальная стратегия при наличии внешних возможностей. В шотландской выборке многие из мужчин гипотетически высказались о желании поселиться с партнером и детьми, с последующим положительным результатом, предполагающим исключение рецидивов. Но не все смогли использовать этот потенциальный поворотный момент [9, с. 51].

В западной пенитенциарной системе широко применяется система штрафов, которые являются промежуточной мерой воздействия и позволяет избежать лишения свободы. Из 34 человек, которые подвергались штрафам в Шотландии ранее, только 3 считали, что эта мера является сдерживающим фактором. Представители выборки придерживались мнения, что проще, быстрее и дешевле согласиться на наказание в виде лишения свободы, чем заплатить штраф [9, с. 54].

Общественные работы, как альтернатива лишению свободы также воспринимается преступниками Шотландии без энтузиазма. Из двадцати двух респондентов имевших подобную меру наказания, только двое думали, что это был положительный опыт, потому что он дисциплинировал, предлагая вставать по утрам, заниматься чем-то конструктивным или обучаться навыкам для будущей работы. Тринадцать респондентов

тов упомянули, что они не явились на общественные работы или расценивали общественные работы, как стресс и негативный опыт. Чаще всего из-за отношений с руководителем, качества работы, выполняемой в сообществе, или из-за того, что многие боролись с злоупотреблением психоактивными веществами, им было трудно запоминать расписание и записываться на приемы [9, с. 54].

Испытания и интенсивный испытательный срок были сочтены этими респондентами наиболее эффективными с точки зрения решения практических, эмоциональных проблем и отказа от преступлений. Но это работало только в том случае, когда надзор осуществлялся должностными лицами, обладающими определенными качествами и поведением: непредвзятостью, проявлением уважения к осужденным, стремлением оказывать им поддержку в решении проблем [9, с. 54].

В то время как 15 человек расценили испытательный срок как положительный опыт, то 10 человек испытывали его как стресс. А 15 имели противоречивые чувства, причем некоторые из них предположили, что, если бы их сотрудник службы пробации был другим (более представительным и привлекательным), они могли бы сотрудничать с большим желанием [9, с. 55].

Многие из респондентов, предполагают, что постоянные периоды тюремного заключения, которые могут стать рутинной жизненной деятельностью, накапливают и усиливают неблагоприятное воздействие на правонарушителей, сокращают возможности для трудоустройства, семейной жизни и усиливают состояние стресса, чувства безнадежности, гнева и потери жизненных перспектив.

С другой стороны, большое количество осужденных считают, что тюрьма «слишком проста». Она менее карательна, нежели система условно-досрочного освобождения [21, с. 455]. Это мнение, приверженцем которого является меньшая часть заключенных Англии заслуживает оценки и подробного анализа.

Что же по мнению описанной выборки может помочь молодым людям избавиться от криминальной жизни? Респонденты твердо верили в важность генеративности для поддержки процесса собственного возрождения. Под генеративностью подразумевается участие в заботе о других, основанной на собственном опыте. Согласно взглядов молодых правонарушителей это помогает им и другим поддерживать процесс декриминализации. Роли в качестве матерей, опекунов больных родителей, даже домашних животных, лекторов, которые предостерегают молодых людей о ловушках наркотиков и алкоголя — все это те роли, к которым стремятся многие правонарушители в процессе отказа от преступления и реабилитации себя в глазах окружающих. Таким образом, для этих людей важными способами предотвращения дальнейшего совершения собственных правонарушений рассматривается возможность сообщения другим молодым людям о последствиях правонарушений и об их собственном (неблагоприятном) опыте системы уголовного право-

судия. Также многие респонденты предположили, что посещение, краткосрочный стресс пребывания в тюрьме, может удержать молодых людей от дальнейших правонарушений, несмотря на то, что большинство отрицательно отзываясь о собственном опыте пребывания в тюрьме [9, с. 57]. Агентства должны сосредоточить для предотвращения преступности среди молодежи в будущем, предложив им более качественные и более доступные видов досуга. Скука и отсутствие конструктивных альтернатив у молодежи являются очевидной проблемой. Хотя не все респонденты начали совершать преступления из-за скуки, большинство по-прежнему считали, что предоставление молодым людям большего досуга и молодежных занятий в их собственных общинах является важным способом предотвращения эскалации правонарушений.

Еще один фактор является важным для профилактики правонарушений: это уменьшение стресса безработицы, бездомности и бедности. Все респонденты понимали, что социальное признание очень важно, и может быть достигнуто через статус, обеспечиваемый материальным положением: возможностью сдавать имущество в аренду, престижной работой, а не маргинализацией или заключением.

Поддержка типа пробации также считалась основным фактором, помогающим молодым людям перестать совершать преступления. Мало того, эти люди настоятельно подчеркивали необходимость иметь работников службы пробации, которые имели опыт злоупотребления или употребления наркотиков. Это позволяет им быть более уличными и эмпатичными, чем работникам, которые знают о жизни только из учебников [9, с. 59].

Исследователи из США также считают, что наставничество с участием добровольцев, способных построить доверительные отношения с условно-досрочно освобожденными через последовательные, не осуждающие действия и общение является многообещающей, но недостаточно используемой стратегией предотвращения рецидивизма. Исследование указывает на то, что большинство бывших правонарушителей будут участвовать в программе добровольного наставничества, если она будет доступна. Петерсилия Дж. отмечает, что, несмотря на ее интуитивную привлекательность, эта программа наставничества не получила широкого распространения в Соединенных Штатах, и пристального внимания в современной научной литературе [19]. Однако, программа наставничества, реализуемая в округе Боулдер, штата Колорадо показала свою эффективность. Статус освобожденного от наказания включает в себя сложное распределение обязанностей между различными агентствами, делая эти обязательства очень трудными для бывших заключенных, несмотря на их лучшие намерения. Требования к занятости, жилью и реабилитации часто погружают испытуемого в дистресс. Например, часто противоречивые графики отдельных агентств, создают необходимость быть в одно и то же время в разных местах. С дру-

гой стороны, транспортных ресурсов у большинства бывших заключенных просто нет. В этом случае наставники функционировали в качестве каналов связи для обеспечения координации, за всем процессом для подопечного, чтобы обеспечить выполнение его обязанностей. Точно так же наставники облегчают обмен информацией между агентствами, которые выполняют надзорные функции за условно-досрочно освобожденными. Сделан важный вывод о том, что помимо, информационной, эмоционально-поддерживающей, профилактирующей функций, наставники играют важнейшую, коммуникационную функцию, позволяющую условно-освобожденному адаптироваться к противоречивой и сложной административной системе [19].

Выводы

Таким образом, анализ зарубежной пенитенциарной практики показывает, что проблема рецидивизма окончательно не решена как в странах, где применяется жесткий подход к наказанию и в странах, где отбывающие наказание преступники находятся в мягких, иногда более комфортных условиях, нежели на свободе. Жесткость наказания проблему не решает. Нет особого смысла подвергать лишению свободы людей, совершивших не особо тяжкие преступления под влиянием сложных жизненных обстоятельств, плохих экономических условий, неупорядоченной жизнедеятельности, наркотиков, маргинального окружения. Причина рецидивизма, как правило, та же, что и при первом преступлении. Но, при длительном тюремном опыте может приобретать более изощренные формы, иметь больший размах и тяжесть в силу влияния криминальной среды, утраты социальных контактов, депрофессионализации и стигматизации.

Видится перспективной практика условно досрочного освобождения с организацией всемерной помощи и поддержки лиц, находящихся на испытательном сроке. Успех этой работы во многом обусловлен качеством этой деятельности, которая предусматривает скоординированные действия различных ведомств, содействие в решении экономических проблем. Наилучший эффект реабилитации дает участие добровольных наставников, лиц, знающих проблему не понаслышке и способных построить доверительные отношения с условно-досрочно освобожденными через последовательные, не осуждающие действия и общение. Создание института такого наставничества решает две задачи. Обеспечивает работой победивших свои проблемы лиц и обеспечивает пенитенциарную систему наиболее мощным средством перевоспитания лиц, совершивших преступление.

Важным направлением деятельности по предотвращению рецидивизма является психодиагностическая работа по выявлению лиц с психопатическими склонностями и психическими расстройствами, оказание им психиатрической помощи, постоянный мониторинг их состояния, при необходимости изоляция от общества. Большинство преступников не имеют подобных проблем, хотя и готовы встать на путь исправления, особенно при наличии развитых социальных мотивов: потребность в уважении общества, семейное счастье и т. д.

В глобальном масштабе перспектива решения проблемы рецидивизма скорее всего заложена в снижении имущественного и правового неравенства граждан, предоставления молодежи возможностей для всестороннего развития, образования, культурного досуга, ограничения доступа к наркотическим средствам. Это стратегический уровень, обусловленный экономическим положением государства, уровнем развития гражданственности, интересами и волей правящих кругов. Большинство стран делает определенные усилия в этом направлении, но процесс, к сожалению, не достаточно динамичный.

Литература

1. Екимова В.И., Кокурина И.В., Кокурин А.В. Осужденные к пожизненному лишению свободы: социально-демографическая, медицинская, уголовно-правовая и уголовно-исполнительная характеристика, а также особенности психологического сопровождения [Электронный ресурс] // Психология и право. 2014. Том 4. № 1. С. 59—74. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n1/68324.shtml> (дата обращения: 02.03.2020).
2. Модель психолого-воспитательной работы с детьми и подростками, находящимися на ранней стадии наркотизации «Школа жизни» [Электронный ресурс] / И.П. Кутянова [и др.] // Психология обучения. 2016. № 6. С. 107—114. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26040269> (дата обращения: 02.03.2020).
3. Сечко А. Выгорание, суициды, экстремизм: психологический анализ. Saarbrücken: LAP LAMBERT, 2015. 98 с.
4. Сечко А.В., Донцова Н.В. Деструктивно-агрессивное поведение несовершеннолетних осужденных и его коррекция в подростковом возрасте // Модели и технологии оказания психологической помощи детям и подросткам в экстремальных ситуациях: коллективная монография / Под общ. ред. А.В. Кокурина, В.И. Екимовой, Е.А. Орловой. Пермь: ИП Сигитов Т.М., 2018. 215 с.
5. Annual Report for 2015 and Resource Material. Series No. 99 [Электронный ресурс]. UNAFEI: Fuchu, Tokyo, Japan, 2016. 146 p. URL: https://www.unafei.or.jp/publications/pdf/RS_No99/No99_00All.pdf (дата обращения: 30.01.2020).
6. Asokhia M.O., Osumah O.A. Assessment of Rehabilitation Services in Nigerian Prisons in Edo State [Электронный ресурс] // American International Journal of Contemporary Research. 2013. Vol. 3. № 1. P. 224—230. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/2a83/fa51f38921cb157b1ff01bace03f44d88c5c.pdf> (дата обращения: 04.02.2020).

7. Assessment of psycho-social factors predicting recidivistic violent offenses within a sample of male prisoners/ D. Boduszek [et al.] // *The Irish Journal of Psychology*. 2013. Vol. 34. № 1. P. 24—34. doi:10.1080/03033910.2012.754324
8. Barriers to Participation in Vocational Orientation Programmes among Prisoners [Электронный ресурс] / D. Brosens [et al.] // *Journal of Prison Education and Reentry*. 2015. Vol. 2. № 2. P. 8—22. URL: <https://scholarscompass.vcu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1028&context=jper> (дата обращения: 30.01.2020).
9. *Barry Monica* Desistance by Design: Offenders' Reflections on Criminal Justice Theory, Policy and Practice // *European Journal of Probation*. 2013. Vol. 5. № 2. P. 47—65. doi:10.1177/206622031300500204
10. Comparison of murderers with recidivists and first time incarcerated offenders from U.S. prisons on psychopathy and identity as a criminal: An exploratory analysis Elsevier/ N. Sherretts [et al.] // *Journal of Criminal Justice*. 2017. Vol. 51. P. 89—92. doi:10.1016/j.jcrimjus.2017.03.002
11. Council of Europe Handbook for Prison and Probation Services Regarding Radicalisation and Violent Extremism [Электронный ресурс] / European Committee on Crime Problems (CDPC). Strasbourg: Directorate General I — Human Rights and Rule of Law, 2016. 51 p. URL: <https://rm.coe.int/16806f9aa9> (дата обращения: 04.02.2020).
12. *Decker S., Pyrooz D.C., Moule R.K.* Disengagement from gangs as role transitions // *Journal of Research on Adolescence*. 2014. Vol. 24. № 2. P. 268—283. doi:10.1111/jora.12074
13. *Ellis B.H., Abdi S.M.* Building community resilience to violent extremism through genuine partnerships // *American Psychologist*. 2017. Vol. 72. № 3. P. 289—300. doi:10.1037/amp0000065
14. *Graffam J., Shinkfield A.J., Hardcastle L.* The perceived employability of ex-prisoners and offenders // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. 2008. Vol. 52. № 6. doi:10.1177/0306624X07307783
15. *Jennifer E. Cobbina, Kimberly A. Bender* Predicting the Future: Incarcerated Women's Views of Reentry Success // *Journal of Offender Rehabilitation*. 2012. Vol. 51. № 5. P. 275—294. doi:10.1080/10509674.2012.683323
16. Juvenile Delinquency and Psychopathic Traits: An Empirical Study With Portuguese Adolescents / P. Gonçalves [et al.] // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. 2014. Vol. 58. № 2. P. 174—189. doi:10.1177/0306624X12465584
17. *Koschmann Matthew A., Peterson Brittany L.* Rethinking Recidivism: A Communication Approach to Prisoner Reentry // *Journal of Applied Social Science*. 2013. Vol. 7. № 2. P. 188—207. doi:10.1177/1936724412467021
18. Mental disorder and crime: Evidence from a Danish birth cohort / S. Hodgins [et al.] // *Archives of General Psychiatry*. 1996. Vol. 53. № 6. P. 489—496. doi:10.1001/archpsyc.1996.01830060031004
19. *Petersilia J.* When Prisoners Come Home: Parole and Prisoner Reentry. New York: Oxford University Press, 2009. 320 p.
20. *Pitts S.* The effective resettlement of offenders by strengthening 'community reintegration factors [Электронный ресурс] // United Nations Asia and Far East Institute: For the Prevention of Crime and Treatment of Offenders. 2010. 11 p. URL: https://www.unafei.or.jp/publications/pdf/RS_No82/No82_04VE_Pitts1.pdf (дата обращения: 30.01.2020).
21. Redesigning the Community Justice System: A Consultation on Proposals [Электронный ресурс] // Scottish Government. Edinburgh: Scottish Government, 2012. URL: <http://www.scotland.gov.uk/Publications/2012/12/7292> (дата обращения: 30.01.2020).
22. Social bonds in the diaspora: The application of social control theory to somali refugee young adults in resettlement / E. Cardeli [et al.] // *Psychology of Violence*. 2020. Vol. 10. № 1. P. 18—29. doi:10.1037/vio0000259
23. Stress and Hardship After Prison / B. Western [et al.] // *American Journal of Sociology*. 2015. Vol. 120. № 5. P. 1512—1547. doi:10.1086/681301
24. The Consolations of Going Back to Prison: What 'Revolving Door Prisoners Think of their Prospects / A. Howerton [et al.] // *Journal of Offender Rehabilitation*. 2009. Vol. 48. № 5. P. 439—461. doi:10.1080/10509670902979710
25. *Uggen C.* Ex-offenders and the conformist alternative: a job quality model of work and crime // *Social Problems*. 1999. Vol. 46. № 1. P. 127—151. doi:10.2307/3097165
26. *Workman K.* The social integration of Māori prisoners // *Aotearoa New Zealand Social Work*. 2016. Vol. 26. № 1. P. 39—46. doi:10.11157/anzswj-vol26iss1id53

References

1. Ekimova V.I., Kokurina I.V., Kokurin A.V. Osuzhdennyye k pozhiznennomu lisheniyu svobody: sotsial'no-demograficheskaya, meditsinskaya, ugovolno-pravovaya i ugovolno-ispolnitel'naya kharakteristika, a takzhe osobennosti psikhologicheskogo soprovozhdeniya [Persons sentenced to life-term imprisonment: socio-demographic, medical, criminal and criminal-executive characteristics as well as psychological support features] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and law]*, 2014. Vol. 4, no. 1, pp. 59—74. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n1/68324.shtml> (Accessed 02.03.2020). (In Russ.).
2. Kutyanova I.P. et al. Model' psikhologo-vospitatel'noi raboty s det'mi i podrostkami, nakhodyashchimisya na rannei stadii narkotizatsii «Shkola zhizni» [Model of psychological educational work with children and adolescents at an early stage

- of drug addiction «School of life»] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya obucheniya [Psychology of Education]*, 2016, no. 6, pp. 107—114. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26040269> (Accessed 02.03.2020). (In Russ.).
3. Sechko A. Vygoranie, suitsidy, ekstremizm: psikhologicheskii analiz [Burnout, suicides, extremism: a psychological analysis]. Saarbrücken: LAP LAMBERT, 2015. 98 p. (In Russ.).
4. Sechko A.V., Donskova N.V. Destruktivno-agressivnoe povedenie nesovershennoletnikh osuzhdennykh i ego korrektsiya v podrostkovom vozraste [Destructive-aggressive behavior of juvenile convicts and its correction in adolescence]. In Kokurina A.V., Ekimovoi V.I., Orlovoi E.A. (eds.), *Modeli i tekhnologii okazaniya psikhologicheskoi pomoshchi detyam i podrostkam v ekstremal'nykh situatsiyakh: kollektivnaya monografiya [Models and technologies for the provision of psychological assistance to children and adolescents in extreme situations: a collective monograph]*. Perm: IP Sigitov T.M., 2018. 215 p. (In Russ.).
5. Annual Report for 2015 and Resource Material. Series No. 99. [Elektronnyi resurs]. UNAFEI: Fuchu, Tokyo, Japan, 2016. 146 p. URL: https://www.unafei.or.jp/publications/pdf/RS_No99/No99_00All.pdf (Accessed 30.01.2020).
6. Asokhia M.O., Osumah O.A. Assessment of Rehabilitation Services in Nigerian Prisons in Edo State [Elektronnyi resurs]. *American International Journal of Contemporary Research*, 2013. Vol. 3, no. 1, pp. 224—230. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/2a83/fa51f38921cb157b1ff01bace03f44d88c5c.pdf> (Accessed 04.02.2020).
7. Boduszek D. et al. Assessment of psycho-social factors predicting recidivistic violent offenses within a sample of male prisoners. *The Irish Journal of Psychology*, 2013. Vol. 34, no. 1 pp. 24—34, no. 1. doi:10.1080/03033910.2012.754324
8. Brosens D. et al. Barriers to Participation in Vocational Orientation Programmes among Prisoners [Elektronnyi resurs]. *Journal of Prison Education and Reentry*, 2015. Vol. 2, no. 2, pp. 8—22. URL: <https://scholarscompass.vcu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1028&context=jper> (Accessed 30.01.2020).
9. Barry Monica Desistance by Design: Offenders' Reflections on Criminal Justice Theory, Policy and Practice. *European Journal of Probation*, 2013. Vol. 5, no. 2, pp. 47—65. doi:10.1177/206622031300500204
10. Sherretts N. et al. Comparison of murderers with recidivists and first time incarcerated offenders from U.S. prisons on psychopathy and identity as a criminal: An exploratory analysis Elsevier. *Journal of Criminal Justice*, 2017. Vol. 51, pp. 89—92. doi:10.1016/j.jcrimjus.2017.03.002
11. European Committee on Crime Problems(CDPC). Council of Europe Handbook for Prison and Probation Services Regarding Radicalisation and Violent Extremism [Elektronnyi resurs]. Strasbourg: Directorate General I — Human Rights and Rule of Law, 2016. 51 p. URL: <https://rm.coe.int/16806f9aa9> (Accessed 04.02.2020).
12. Decker S., Pyrooz D.C., Moule R.K. Disengagement From Gangs as Role Transitions. *Journal of Research on Adolescence*, 2014. Vol. 24, no. 2, pp. 268—283. doi:10.1111/jora.12074
13. Ellis B.H., Abdi S.M. Building community resilience to violent extremism through genuine partnerships. *American Psychologist*, 2017. Vol. 72, no. 3, pp. 289—300. doi:10.1037/amp0000065
14. Graffam J., Shinkfield A.J., Hardcastle L. The perceived employability of ex-prisoners and offenders. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 2008. Vol. 52, no. 6. doi:10.1177/0306624X07307783
15. Jennifer E. Cobbina, Kimberly A. Bender Predicting the Future:Incarcerated Women's Views of Reentry Success. *Journal of Offender Rehabilitation*, 2012. Vol. 51, no. 5, pp. 275—294. doi:10.1080/10509674.2012.683323
16. Gonçalves P. et al. Juvenile Delinquency and Psychopathic Traits: An Empirical Study With Portuguese Adolescents. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 2014. Vol. 58, no. 2, pp. 174—189. doi:10.1177/0306624X12465584
17. Koschmann Matthew A., Peterson Brittany L. Rethinking Recidivism: A Communication Approach to Prisoner Reentry. *Journal of Applied Social Science*, 2013. Vol. 7, no. 2, pp. 188—207. doi:10.1177/1936724412467021
18. Hodgins S. et al. Mental disorder and crime: Evidence from a Danish birth cohort. *Archives of General Psychiatry*, 1996. Vol. 53, no. 6, pp. 489—496. doi:10.1001/archpsyc.1996.01830060031004
19. Petersilia J. When Prisoners Come Home: Parole and Prisoner Reentry. New York: Oxford University Press, 2009. 320 p.
20. Pitts S. The effective resettlement of offenders by strengthening 'community reintegration factors [Elektronnyi resurs]. *United Nations Asia and Far East Institute: For the Prevention of Crime and Treatment of Offenders*. 2010. URL: https://www.unafei.or.jp/publications/pdf/RS_No82/No82_04VE_Pitts1.pdf (Accessed 30.01.2020).
21. Redesigning the Community Justice System: A Consultation on Proposals [Elektronnyi resurs]. *Scottish Government*. Edinburgh: Scottish Government, 2012. URL: <http://www.scotland.gov.uk/Publications/2012/12/7292> (Accessed 30.01.2020).
22. Cardeli E. et al. Social bonds in the diaspora: The application of social control theory to somali refugee young adults in resettlement. *Psychology of Violence*, 2020. Vol. 10, no. 1, pp. 18—29. doi:10.1037/vio0000259
23. Western B. et al. Stress and Hardship After Prison. *American Journal of Sociology*, 2015. Vol. 120, no.5, pp. 1512—1547. doi:10.1086/681301
24. Howerton A. et al. The Consolations of Going Back to Prison: What 'Revolving Door Prisoners Think of their Prospects. *Journal of Offender Rehabilitation*, 2009. Vol. 48, no. 5, pp. 439—461. doi:10.1080/10509670902979710

25. Uggen C. Ex-offenders and the conformist alternative: a job quality model of work and crime. *Social Problems*, 1999. Vol. 46, no. 1, pp. 127—151. doi:10.2307/3097165
26. Workman K. The social integration of Māori prisoners. *Aotearoa New Zealand Social Work*, 2016. Vol. 26, no. 1, pp. 39—46. doi:10.11157/anzswj-vol26iss1id53

Информация об авторах

Сечко Александр Владимирович, кандидат психологических наук, доцент кафедры научных основ экстремальной психологии факультета экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6870-1055>, e-mail: setschko@yandex.ru

Information about the authors

Alexandr V. Sechko, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6870-1055>, e-mail: setschko@yandex.ru

Получена 29.01.2020
Принята в печать 10.03.2020

Received 29.01.2020
Accepted 10.03.2020